

Н. Л. Рубинштейн

РУССКАЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

**ГЛАВА 32. Г. В. ПЛЕХАНОВ.
МЕЛКОБУРЖУАЗНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
В СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ.
«МЕНЬШЕВИСТСКИЙ ПЯТИТОМНИК»**

Основные сочинения Г. В. Плеханова: 1) Социализм и политическая борьба. Наши разногласия. М., 1939. — 2) Наши разногласия // Там же. — 3) Русский рабочий в революционном движении // Плеханов Г. В. Собр. соч. Т. III. М., 1924. С. 121–205. — 4) Политические задачи русских социалистов // Социалист. Женева, 1889. №1 (то же: Плеханов Г. В. Собр. соч. Т. III. С. 83–95). — 5) Н. Г. Чернышевский // Плеханов Г. В. Соч. Т. V. М., 1925. — 6) История русской общественной мысли. Т. 1–3. М.; Л., 1925. — 7) Пессимизм как отражение экономической действительности (Пессимизм П. Я. Чаадаева) // Плеханов Г. В. Собр. соч. Т. X. М.; Л., 1925. С. 133–162. — 8) Судьбы русской критики. Белинский и разумная действительность. Литературные взгляды В. Г. Белинского // Там же. С. 199–304. — 9) В. Г. Белинский (Речь, произнесенная весной 1898 г., по случаю пятидесятилетия со дня смерти Белинского на русских собраниях в Женеве, Цюрихе и Берне) // Там же. С. 317–349. — 10) Западники и славянофилы // Там же. Т. XXIII (особенно статьи: П. Я. Чаадаев; М. П. Погодин и борьба классов; И. В. Киреевский; Виссарион Григорьевич Белинский; О Белинском; А. И. Герцен и крепостное право; Философские взгляды А. И. Герцена). — 11) Общественное движение в России в начале XX века / Под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. Т. I–V. СПб., 1909–1911. Т. I: Предвестники и основные причины движения; Т. II. Ч. 1 и 2: а) Международное положение России перед революцией; в) Массовое движение; с) Главнейшие моменты в истории русского марксизма; Т. III. Кн. 5: Партии — их состав, развитие и проявление в массовом движении, на выборах и в Думе; Т. IV. Ч. 1 и 2 (кн. 6 и 7): а) Изменения экономического и политического строя; б) Международные отношения; в) Национальные движения; г) Общественное движение в Финляндии; Т. V. Кн. 8: Эволюция идей. Заключение.

Основная литература: История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1937. — *Покровский М. Н.* Борьба классов и русская историческая литература // Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. Вып. 1. М., 1933. С. 7–100.

Г. В. ПЛЕХАНОВ И РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА

Если «легальный марксизм» с самого начала представлял не более как «отражение марксизма в буржуазной литературе», то в лице Плеханова мы имеем первого представителя марксизма в России, который в своих работах 80–90-х годов «...развил и обосновал точку зрения марксистского материализма». «...Плеханов написал ряд марксистских работ, на которых учились и воспитывались марксисты в России»; «Плеханов первый дал марксистскую критику ошибочных взглядов народников», — так определил значение ранних работ Плева-

нова «Краткий курс истории ВКП(б)»¹. Этим определилось принципиально отличное место Плеханова в истории русской общественной и научной мысли.

Однако те «ошибочные взгляды Плеханова», которые, по определению «Краткого курса истории ВКП(б)», «были зародышем его будущих меньшевистских взглядов», как раз полнее всего сказались на его исторических взглядах, оказавшихся с самого начала в противоречии с основными принципами исторического материализма. В своих исторических работах Плеханов с самого начала не сумел преодолеть зависимость от буржуазной историографии и ее методологии, и это открывало путь тем мелкобуржуазным тенденциям, которые получили полное развитие в исторических работах Плеханова-меньшевика. При этом самые попытки исторического обобщения, построения своего рода философии русской истории относятся уже к последнему, меньшевистскому периоду его деятельности. Но естественно возникает вопрос о корнях его последующей эволюции, об элементах, связывающих его конечные выводы с его исходными позициями.

Георгий Валентинович Плеханов (1856–1918), связанный сперва с народничеством, порвал с ним к началу 80-х годов и стал на марксистские позиции.

Два момента определили эту эволюцию Плеханова. В 1876 г. Плеханов впервые столкнулся практически с началом революционной пролетарской борьбы; в этом отношении его очерк «Русский рабочий в революционном движении» имеет автобиографическое значение. Практика революционной пролетарской борьбы привела Плеханова к теории марксизма, знакомство с учением К. Маркса и Ф. Энгельса дало теоретическое обоснование этим новым фактам. Плеханов 80–90-е годы, пропагандируя теорию марксизма, обосновывал практику революционной пролетарской борьбы в России.

В. И. Ленин в своей работе «Что такое “друзья народа”» указывал на заслуги Плеханова в борьбе с народничеством и в установлении капиталистического пути развития России как общей закономерности ее исторического развития. Плеханов был создателем первой русской марксистской организации — группы «Освобождения труда» — и автором первого проекта программы русских социал-демократов.

В борьбе с народничеством, с его теорией «самобытности» в русской истории, особого пути исторического развития России, Плеханов уже в работе 1884 г. — «Наши разногласия» — показал не только неиз-

¹История ВКП(б). Краткий курс. С. 13–15.

бежность капиталистического развития России, он показал, как говорит В. И. Ленин, что фактически «... Россия вступила на капиталистический путь»². Глава вторая — «Капитализм в России» — показывала на цифрах и фактах разложение русской общины, капиталистическую эволюцию кустарной промышленности, развитие капиталистической фабрики и товарно-денежных отношений в России во второй половине XIX в.

Торжество капиталистических отношений в России утверждало тождество исторического развития России и Западной Европы, с вытекающими отсюда выводами в отношении понимания всего русского исторического процесса. Научную теорию единства закономерности исторического процесса Плеханов нашел в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. Ее систематическое изложение он дал в работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895).

Революционная борьба пролетариата была другим историческим фактом русской действительности, значение которого впервые было раскрыто Плехановым в его работах этого периода. В очерке «Русский рабочий в революционном движении» (1890) Плеханов уже подводил некоторые исторические итоги первому периоду этой борьбы.

В этой же связи подошел Плеханов в 90-е годы к общей проблеме истории революционного движения в России в его внутреннем развитии.

Утверждение нового этапа в истории революционной борьбы, связанного с выступлением рабочего класса, привело Плеханова именно в этот период и в отношении ее предшествующей истории к элементам классового анализа, отсутствие которого резко сказалось в его работах последнего периода. Эти черты полнее всего сказались в его статьях 90-х годов, посвященных декабристам, П. Я. Чаадаеву, В. Г. Белинскому³.

В этих статьях, особенно в статье «14-е декабря» (1890), Плеханов намечает основные этапы в развитии русского революционного движения XIX в. Первый этап он связывает с А. Н. Радищевым. «В лице Радищева мы, — пишет Плеханов, — можем быть, впервые встречаемся с убежденным и последовательным русским революционером из «интеллигенции»⁴.

Второй этап — декабристы; но их слабость в их дворянской при-

² Ленин В. И. Что такое «друзья народа»... С. 106.

³ См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. X. М.; Л., 1925.

⁴ Плеханов Г. В. 14-е декабря // Там же. Т. X. С. 357.

надлежности: «... у них не было поддержки со стороны народа»⁵. С В. Г. Белинским вступает в историю революционер-разночинец⁶. 70-е годы начинают пролетарский период революционной борьбы в России.

Но уже и в этот период Плеханов недооценивает революционную роль крестьянства, переоценивая либеральную буржуазию. «Эти ошибочные взгляды Плеханова были зародышем его будущих меньшевистских взглядов»⁷.

Эти ошибочные взгляды Плеханова на современность находились в связи с его историческими взглядами.

Ленинский анализ русского капитализма был тесно связан с раскрытием его генезиса, его развития, и именно в этом историческом рассмотрении анализ экономической и социальной сущности современности становился на твердую научную базу, способствуя четкой и безошибочной оценке реальной расстановки классовых сил в России конца XIX в.

Плеханов шел не от анализа исторического процесса развития России в целом, а от констатирования факта наличия капитализма в России на данном этапе. Он видел ближайшее направление исторического процесса в окончательном развитии капиталистических отношений и в вызревании революционной силы пролетариата. Но он не видел всех тех сил, которые привели настоящее общество на смелую прошлему, не видел и того прошлого, которое продолжало жить рядом с настоящим, и его внутренних противоречий, а значит, не видел всего настоящего в единстве его внутренних противоречий. Это значило, что в изучении конкретных общественных отношений у Плеханова выпадало основное звено марксистского учения об обществе — общественно-экономическая формация; Плеханов в своей трактовке фактически сводил общество к одному началу.

Именно поэтому он не видел, что борьба с помещиком и с пережитками крепостничества идет параллельно с борьбой внутри капиталистической системы, не видел и того, что в этой второй борьбе революционной силой являлось именно крестьянство, естественный союзник рабочего класса в предстоящей борьбе. Может быть, здесь сказалась также невольная реакция на прежние народнические увлечения.

Это непонимание прошлого, игнорирование классовой революцион-

⁵ Там же. С. 372.

⁶ См.: Плеханов Г. В. В. Г. Белинский. Речь весной 1898 года // Там же. С. 317-349.

⁷ История ВКП(б). Краткий курс. С. 17.

ной борьбы в России сказалось уже в одной из ранних работ Плеханова, в статье о Н. Г. Чернышевском, относящейся к 1889–1891 гг. В этой статье Плеханов отрицает существование классового революционного движения в России до выступлений рабочего класса в 70-е годы: «Вплоть до конца семидесятых годов история русского революционного движения была по преимуществу историей борьбы этого слоя населения (разночинной интеллигенции. — Н. Р.) против царизма»⁸. Поэтому и крестьянская реформа оказывалась результатом не классовых противоречий и борьбы, а борьбы государства с помещиком. Эту мысль в известной мере и повторил впоследствии П. Б. Струве в «Крепостном хозяйстве». В этой связи и само крепостное право становилось актом государственной необходимости и прогресса: «Крепостное состояние было неизбежным условием европеизации России»⁹.

Это взгляды, которые Плеханов потом развил в «Истории русской общественной мысли», но они сформулированы им уже в этот первый период его деятельности: между теорией и ее практическим применением не было единства. Плехановская концепция капиталистического развития России не опиралась на твердую базу марксистской теории закономерности общественного развития, основанной на марксистском учении об общественно-экономических формациях.

Та же непоследовательность, незавершенность марксистского анализа сказались и в трактовке Плехановым истории общественного движения. Попытавшись наметить этапы в развитии классовой природы революционной борьбы, Плеханов, однако, и в этих ранних работах то и дело с истории общественного движения и классовой борьбы переходит на историю общественных идей, взятых в отрыве от классового анализа борьбы. Отсюда и превращение А. Н. Радищева в «революционера из «интеллигенции»¹⁰. Отсюда и превращение восстания декабристов в «военную манифестацию» с повторением романтической либеральной легенды, что декабристы «... сознательно шли на мученичество. Они мало верили в непосредственный успех своего восстания»¹¹.

И в истории общественного движения 30–40-х годов Плеханов выделяет проблемы «пессимизма» П. Я. Чаадаева, развитие философских идей В. Г. Белинского, историю русского гегельянства.

⁸ Плеханов Г. В. Н. Г. Чернышевский и его время. Введение к немецкому изданию // Плеханов Г. В. Соч. Т. V. М., 1925. С. 14.

⁹ Там же. С. 3.

¹⁰ Плеханов Г. В. 14-е декабря. С. 357.

¹¹ Там же. С. 367.

При всем выдающемся значении ранних работ для своего периода, когда они явились первой попыткой марксистской постановки этих вопросов, работы Плеханова и в этот период страдали внутренними противоречиями.

Этим открывалась возможность дальнейшей эволюции в интерпретации русской истории Плехановым. Его «История русской общественной мысли» была историческим обоснованием его меньшевистской эволюции, перехода к соглашению с буржуазией. Неудивительно, что свою историческую аргументацию он и заимствовал из буржуазных исторических схем. Эти исторические итоги были отражением «политики, обращенной в прошлое».

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ. ТЕОРИЯ И ЕЕ ИСТОЧНИКИ

Та концепция русской истории, на основе которой Плеханов строит историю русской общественной мысли, не была продуктом самостоятельного исследования. Он сам указал свои источники: на первом месте здесь стоят С. М. Соловьев и В. О. Ключевский, их широко дополняет П. Н. Милюков. С. М. Соловьева, В. О. Ключевского и П. Н. Милюкова объединяет государственная схема русской истории; мы указывали выше, что именно в плане государственной теории принял С. М. Соловьева В. О. Ключевский и в этом разрезе развил взгляды школы П. Н. Милюков. Плеханов выработал свою схему исторического развития России под воздействием государственной школы.

Государственная школа в своих конечных выводах пришла к утверждению своеобразия русского исторического процесса. Марксизм вскрывал единство закономерности в историческом развитии России. Плеханов тоже говорит о закономерности, но только добавляет, что это не та закономерность, которая определилась в развитии Западной Европы: это — закономерность развития восточной деспотии, и здесь все было совсем иначе, чем на Западе. Это различие даже последовательно возрастает: «... Россия в течение целых столетий все более и более удалялась от европейского Запада и сближалась с Востоком»¹². Тождество с восточной деспотией становится ключом к объяснению всех явлений русской истории. Разрешение противоречия найдено, мост переброшен между марксизмом и государственной школой: для своеобразия нацплась другая, примиряющая, формула — «Восток».

¹² Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. Т. I. М.; Л., 1925. С. 87-88.

Но достаточно приглядеться к раскрытию этого основного положения схемы, чтобы убедиться, что в его конкретном содержании ровно ничего не изменилось. Сущность этого своеобразия, выраженного в понятии восточной деспотии, оказывается, состоит в господстве государства над обществом. Вся история дореформенной Руси есть история крепостного состояния всех сословий русского общества, старая теория закрепощения сословий государству. Русский крестьянин превратился в восточного раба. В отличие от дворянской свободы Западной Европы в России дворяне были закрепощены государству так же, как были закрепощены ему крестьяне¹³. В силу того же своеобразия в России не было третьего сословия, и города были только административными центрами. Эта схема полностью совпадает с той, которую дал П. Н. Миллюков в своих «Очерках».

Совпадение с государственной школой продолжается и дальше, хотя и дополняется экономическими моментами, представляющими, однако, не более как терминологическое изменение. Согласно государственной теории, сила государства коренилась в слабости и пассивности народа; по Плеханову, «закрепощение государством всех слоев русского населения было, как мы видели, результатом «инертности народного хозяйства»...»¹⁴

Наконец, и причина этого своеобразия осталась все та же: географические условия. Он только слишком натуралистические сравнения дерева и камня, леса и степи заменил более общим понятием «образия природных условий», сохранил указание на борьбу с кочевниками и получил необходимые географические предпосылки для колониционного процесса как основного начала русской истории. Только и здесь потребовалось экономическое добавление. Для связи между географией и колонизацией сделаны ссылки на слабую дифференциацию экономики, однородность хозяйственного быта по всей обширной территории восточноевропейской равнины. Для объяснения социально-политического развития вводилось положение об отливе населения и убыли рабочей силы, порождавшей упомянутую «инертность народного хозяйства». Экономическое объяснение свелось к небольшому привеску к старой, давно знакомой формуле: «история России была историей страны колонизовавшей *при условиях натурального хозяйства*»¹⁵. Эта формула повторяется Плехановым через каждые несколько страниц, она объясняет теперь все и вся в русской истории.

¹³ Там же. С. 63.

¹⁴ Там же. С. 77.

¹⁵ Там же. С. 60, 65, 76, 84 и др. (Курсив мой. — Н. Р.)

«Условия натурального хозяйства» продолжают при этом сопутствовать колонизации через всю русскую историю, как будто бы ничто в ее экономике и социальном строе так и не менялось на протяжении веков.

Совершенно понятно, что в этой интерпретации в исторической схеме Плеханова не осталось места ни для общественно-экономических формаций, ни для классовой борьбы. Какая классовая борьба могла идти между классами, которые все были равно закрепощены государству? Могли быть лишь анархические, противогосударственные выступления. Классовая борьба — дело будущего развитого капиталистического общества, ее нет в историческом прошлом России.

Таковы те общие понятия, которые лежат в основе плехановской схемы русской истории.

ОБЩАЯ СХЕМА РУССКОЙ ИСТОРИИ

Напрасно искать у Плеханова марксистское определение общественно-экономического строя Киевской Руси. Он принимает у М. С. Грушевского указание на земледельческий характер хозяйственной деятельности населения Киевской Руси, а у В. О. Ключевского теорию ее городского, торгового строя, несколько не задумываясь над их внутренним согласованием и добавляя от С. М. Соловьева утверждение о слабости развития хозяйственной и общественной жизни под влиянием борьбы с кочевниками. У В. О. Ключевского берет он и характеристику киевского князя как «военного сторожа земли». Вслед за С. М. Соловьевым и В. О. Ключевским Плеханов источник дальнейшей эволюции видит в колонизации Северо-Восточной Руси и в торжестве здесь вотчинного начала. Мы указали выше, что у Плеханова вотчинный строй превратился в восточную деспотию. Вместе с этим неизбежно встала проблема русского феодализма. Между Н. П. Павловым-Сильванским и П. Н. Милюковым выбор Плеханова пал на П. Н. Милюкова, и это показательно для всего направления его исторической мысли.

Иван IV дан первым последовательным представителем и идеологом восточной деспотии, т. е. сильного государства, осуществившего закрепощение сословий. В этих условиях общественная борьба превращается в борьбу отдельных слоев русского общества против растущей власти государства. Но именно поэтому все эти движения оказывались беспочвенными и бесплодными.

Первое оппозиционное выступление, в освещении Плеханова, при-

надлежит боярству в лице А. М. Курбского. Его выступление бесплодно, потому что за ним нет реальной силы, потому что само по себе торжество централизации было прогрессивным явлением. Решение этого вопроса идет от С. М. Соловьева. И все-таки симпатии Плеханова на стороне А. М. Курбского, представляющегося ему защитником человеческого достоинства от посягательств деспотизма, защитником идеи своеобразного конституционализма: «В нем нет холопского настроения. В его лице московский боярин отказывается сложить свое человеческое достоинство к ногам государя. Поэтому его консерватизм много симпатичнее, нежели новаторство Ивана IV»¹⁶. Эта оценка являлась фактическим отказом от классового анализа идеологии А. М. Курбского.

Последовавшая в начале XVII в. «смута» была началом крестьянских войн в Русском государстве. Впрочем, самое понятие крестьянской войны у Плеханова отсутствует. Действующая сила этих движений — казачество. «Они много причинили ей (Москве. — *Н. Р.*) хлопот в Смутное время, хорошо “трихнули ею” в царствование Алексея Михайловича (Ст. Разин), а потом не на шутку перепугали и Петербург в царствование Екатерины II (Е. Пугачев)»¹⁷. И все эти движения были бесплодны, потому что они не несли в русскую действительность никакого нового начала. В этом отношении для Плеханова нет разницы между Е. Пугачевым и А. М. Курбским, он сходится в этом вопросе с Н. И. Костомаровым: Е. Пугачев «смотрел не вперед... а назад, в темную глубь прошедших времен. И в этом отношении он поступал совершенно так, как поступало когда-то ненавистное ему боярство»¹⁸.

Здесь была и новая черта своеобразия русской истории в интерпретации Плеханова. Вместо революционной, освободительной борьбы города на Западе (городские восстания в Русском государстве XVII—XVIII вв. Плеханов обходит молчанием), мы имели только движение казаков, которые сами в конце концов «... превратились в орудие угнетения той самой народной массы, из которой они когда-то вышли»¹⁹. Здесь Плеханов допускал уже прямую игру понятиями, подмену социальных явлений разных эпох и разного порядка.

Но оценка крестьянских движений была лишь продолжением в историческом разрезе основной линии меньшевиков по вопросу о революционной роли крестьянства. Плеханов в свое время ее проглядел,

¹⁶ Там же. С. 147.

¹⁷ Там же. С. 74.

¹⁸ Там же. Т. III. С. 41.

¹⁹ Там же. Т. I. С. 77.

сейчас он и не хотел ее видеть. Он забывал даже указания К. Маркса, что в феодальную эпоху все революционные движения шли из деревни, он забывал и крестьянскую войну в Германии, утверждая, что на Западе борьбу вел только город. Он не желал видеть огромной роли крестьянских войн в распатывании социальных устоев крепостнической системы, расчищавших дорогу будущему. Для этого, в духе механицизма и экономизма, присущего всей меньшевистской концепции, он переносил вопрос из плоскости социальных отношений в плоскость экономики. Итоги «смуты» должны были определиться, «как определяются они всегда и везде, — состоянием производительных сил. Что же касается состояния производительных сил, то Смута могла изменить его не к лучшему, а только к худшему». «После Смуты Московская Русь являлась и по отношению к Западу, значительно более, чем прежде, отсталой страной»²⁰.

В трактовке Петровских реформ Плеханов ближе к В. О. Ключевскому, чем к С. М. Соловьеву. Сущность Петровских реформ он видит в европеизации, т. е. в попытке повернуть русскую историю в сторону сближения с Западной Европой. Но в конечном итоге для Плеханова Петр I только дворянский царь, он не новое создает, а старое укрепляет, и самая европеизация касается только узкой прослойки столичного дворянства. «Социальное положение “благородного” сословия изменилось в одну сторону, — в сторону Запада, — в то самое время, когда социальное положение “подлых людей” продолжало изменяться в сторону прямо противоположную, — в сторону Востока»²¹. Это последнее положение, идея полного культурного разрыва между верхушкой русского общества и народом, уже прямо взято Плехановым у В. О. Ключевского. Национального значения Петровской реформы Плеханов не видит и проходит мимо роста культурных сил самого народа, роста русской национальной культуры в XVIII в.

Но при этом в духе буржуазной идеалистической историографии для всей послепетровской истории России не рост классовых противоречий, не внутренний кризис крепостнической системы, а именно европеизация России становится стержнем исторического развития. Правда, он снова оговаривает, что европеизацию он относит также к явлениям экономической и социальной жизни, — ведь торжество восточной деспотии в России было результатом отклонения русской истории от Запада к Востоку. Нужен обратный поворот к Западу, чтобы создать

²⁰ Там же. С. 156.

²¹ Там же. С. 87.

условия дальнейшего развития. Но отсюда вытекает уже и дальнейший вывод, что этот толчок должен быть дан как-то извне, сверху; ведь сперва должен явиться толчок, а потом уже развитие. Оказывается, что инициатором его должно было явиться само дворянство в лице его более передовых представителей. Ведь дворянство было европеизировано, значит у него уже есть потребность в установлении европейских порядков, а для этого нужно дальнейшее распространение европеизации. Таким образом, и движение декабристов было только плодом европеизации и вызванных ею изменений в экономическом быту и социальных представлениях самого дворянства.

Так возникла и реформа 1861 г.

Последовательным носителем принципа европеизации оказывается при этом помещик, требовавший полного обезземеления крестьян, чтобы его «обезнародить»²², т. е. пролетаризировать. А государство, решившее сохранить за крестьянином урезанные наделы, оказывается, действовало так вовсе не под влиянием страха крестьянских восстаний, а руководствовалось только своими интересами восточной деспотии. «Крупнейший в мире помещик-рабовладелец-государство — решительно не мог помириться с тою мыслью, что освобождаемые крестьянские “души”, с которыми он уже собирался распорядиться по-своему, сразу предстанут перед ним в виде многомиллионного пролетариата», — так писал Плеханов еще в 1911 г.²³ Поэтому реформа 1861 г. «очень сильно отзывалась Азией»; освобождение крестьян прошло у нас по восточному образцу, имело «азиатский характер», оно сделало крестьянина бесправным²⁴.

Отсюда и объяснение дальнейшего пореформенного хозяйства. Вопрос не в условиях классовой борьбы, ее организации и развития, а в распространении культуры, в европеизации. «Взрыв 1905–1906 гг. был следствием европеизации России. А его “неудача” была причинена тем, что процесс европеизации переработал пока еще далеко не всю Россию. Последствия “неудачи” будут ослабляться сообразно дальнейшему ходу названного процесса»²⁵.

Как писал В. И. Ленин о соратнике Плеханова П. Б. Аксельроде и о П. Н. Милюкове, «... мечтательными фразами об “европеизме” они обходят трудный и насущный вопрос о том, как следует вести себя в

²² Там же. С. 93, 94.

²³ Плеханов Г. В. «Освобождение» крестьян // Современный мир. 1911. № 2. С. 261.

²⁴ См.: Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. Т. I. С. 92.

²⁵ Там же. С. 84.

неевропейской обстановке тому или иному классу для упорной борьбы за обеспечение *основ* европеизма»²⁶.

Эволюция завершилась: классовая борьба отошла на задний план и для капиталистического общества, в котором в конце XIX в. Плеханов видел ее еще с полной отчетливостью. Буржуазная концепция полностью подчинила себе Плеханова — мертвый хватает живого!

«ИСТОРИЯ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ»

Это определило и основную тему исторической работы Плеханова — «история общественной мысли», а не история общественного «движения». В сущности, по концепции Плеханова, до середины XIX в. в России вообще не было развития общественного строя, следовательно, не могло быть и настоящего общественного движения. В этом отношении для Плеханова история общественной мысли по своей теме ближе даже к истории культуры. И действительно, многое сближает ее в этом отношении с «Очерками» П. Н. Милюкова.

Самая проблема рассматривается не в социальном, а в культурно-историческом плане.

Основная проблема «Истории русской общественной мысли» — все тот же вопрос о Востоке и Западе, об отношении России и Европы. Западничество и славянофильство являются и для Плеханова, как раньше для П. Н. Милюкова, стержнем развития русской идеологии. Ее предпосылки лежат в смене идейных влияний, шедших с Запада. Восприятие западноевропейской жизни и западноевропейских идей и отношение к тому и другому — источник идейных движений в русском обществе. Под этим углом зрения рассматривается русская общественная мысль с начала ее оформления, с XVII в.: И. А. Хворостинин, Г. К. Котолихин, А. Л. Ордин-Нащокин — это западники; Ю. Крижанич — первый русский славянофил. Та же антитеза повторяется и в XVIII в.: В. Н. Татищев и И. Т. Посошков, до некоторой степени М. М. Щербатов и И. Н. Болтин. Впрочем, во второй половине XVIII века вопрос несколько осложнился, славянофильство и западничество уже не выступали в чистом виде.

Вместе с тем именно европеизация являлась основным источником прогрессивности общественной мысли. Она и заменила социальное содержание явлений. И поскольку дворянство было единственным европеизованным сословием, то и получалось у Плеханова, что «един-

²⁶ Ленин В. И. Как П. Б. Аксельрод разоблачает ликвидаторов // Ленин В. И. Соч. Т. XVI. С. 42.

ственным русским сословием, смотревшим не назад, а вперед, было тогда у нас дворянство»²⁷. Плеханов проходит мимо тех внутренних изменений, которые совершались в экономике и в социальной жизни России в XVIII в. и которые получили свое отражение в передовой общественной мысли эпохи — у А. Н. Радищева, Ф. В. Кречетова, Н. И. Новикова — и вызвали яркую классовую оппозицию со стороны таких дворянских идеологов, как М. М. Щербатов. Именно это отсутствие классового подхода к вопросам идеологии определило его симпатии к консерватизму А. М. Курбского в общественной мысли XVI в. Отсюда же для XVIII в. его идеализация М. М. Щербатова, в консервативной дворянской оппозиционности которого он готов видеть «зачаток того учения о долге образованных классов перед народом, с которым мы встретимся в передовой русской литературе девятнадцатого века»²⁸. Плеханов не видит, что критика М. М. Щербатова была в действительности критикой «справа», критикой феодальной знати, осознававшей надвигающийся кризис и недовольной правительством, потому что ей кажется, что эта власть недостаточно охраняет дворянские классовые интересы.

Истории общественной мысли XIX в. Плеханов не успел написать. Для этого периода остались лишь многочисленные отдельные статьи, посвященные отдельным ее представителям или вызванные определенными литературно-историческими работами о них. Это, конечно, еще сильнее суживает социально-историческую базу изучения этого периода у Плеханова. Во всяком случае, общая характеристика, данная выше, распространяется и на эти статьи. Конечно, появление разночинной интеллигенции произвело свои изменения, мимо которых Плеханов не мог пройти. Но и в этих статьях первенствующее место принадлежит философскому анализу идей, и это философско-историческое содержание и составляет наиболее сильную сторону работ Плеханова по истории русской общественной мысли, опирающихся на прекрасное знание Плехановым европейской философии XVIII и XIX вв. В истории русской общественной мысли работы Плеханова по XIX в. представляли крупный шаг вперед по сравнению с буржуазной историографией, поставив ее изучение в связь и с историей идеологии Западной Европы и с развитием революционной идеологии второй половины XIX в. Но и здесь изучение велось в плоскости общей истории идей, приближаясь скорее к мелкобуржуазной трактовке проблемы.

²⁷ Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. Т. III. С. 142.

²⁸ Там же. С. 210.

От классового анализа первых работ Плеханова-марксиста в его «Истории русской общественной мысли» не осталось уже и следа.

«МЕНЬШЕВИСТСКИЙ ПЯТИТОМНИК»

Эти черты буржуазной ревизии марксизма в меньшевистской историографии с особенной отчетливостью сказались в так называемом «меньшевистском пятитомнике», в коллективной работе «Общественное движение в России в начале XX в.», выпущенной в 1909–1911 гг. под редакцией Л. Мартова, П. П. Маслова и А. Н. Потресова и при участии других видных меньшевистских журналистов и литераторов — А. Ерманского, Н. Череванина, Д. Кольцова, М. С. Балабанова, Б. Б. Веселовского и др. Внутренняя сущность направления выступила с особенной отчетливостью в связи с темой: работа посвящена предпосылкам и истории первой буржуазно-демократической революции в России 1905–1907 гг. Общее направление связывает авторов с идеями и научной методологией Н. А. Рожкова и с позднейшими идеями Г. В. Плеханова, в те годы выступавшего против неприкрытого ликвидаторства.

Экономизм — таково действительное направление, представленное авторами пятитомника. Так именно квалифицировал несколько позже В. И. Ленин позицию одного из его авторов, А. Ерманского, развивавшего дальше идеи пятитомника. «Экономисты, — писал В. И. Ленин, — признавали... в классовой борьбе лишь то, что было наиболее терпимо с точки зрения либеральной буржуазии, отказываясь идти дальше либералов, отказываясь признавать более высокую, для либералов неприемлемую, классовую борьбу. Экономисты превращались этим в либеральных рабочих политиков. Экономисты отказывались этим от марксистского, революционного, понятия классовой борьбы»²⁹. По указанию В. И. Ленина, это был «... вопрос о либеральной подделке марксизма, о подмене марксистского, революционного, воззрения на классовую борьбу воззрением либеральным»³⁰.

Эта задача разрешалась прежде всего общеметодологической постановкой и трактовкой вопроса. В качестве общей основы движения осталась только экономика. Общества, как целого, с его классовыми противоречиями, с его внутренними антагонизмами в пятитомнике нет. Нет поэтому и вопроса о расстановке классовых сил, об их ре-

²⁹ Ленин В. И. О либеральном и марксистском понятии классовой борьбы // Ленин В. И. Соч. Т. XVI. С. 399.

³⁰ Там же. С. 397.

альном взаимоотношении в революции. Каждый класс выступает сам по себе, со своими целями и задачами, и отсюда создается авторами впечатление, что каждый из них по-своему представляет революцию.

Революция объясняется не из развития капиталистического общества и обострения присущих ему классовых противоречий. По характеристике Д. Кольцова, «наше рабочее движение определялось и толкалось вперед только факторами политического несправия, всероссийского разорения и общими условиями капиталистического хозяйства». Революция 1905–1907 гг. была результатом отсталости и некультурности, — так разрешал вопрос Н. А. Рожков, к этому же пришел Плеханов, эту же мысль повторяет и Д. Кольцов: отсталость связана с недостатком европеизации, а ближайшая цель рабочего класса — «европеизация общественно-политического строя России, включая сюда и европеизацию отношений между предпринимателями и рабочими»³¹. Под европеизацией надо понимать развитие капиталистических отношений.

Отсталость экономики, ее отставание от государственного развития России, т. е. государство, опережающее общество в своем развитии, такова другая, давно знакомая идея, повторяемая авторами пятитомника. «Громадная государственная организация и громадное государство в силу исторических условий создались еще в эпоху, когда их размеры совсем не соответствовали потребностям промышленного развития страны»³², — пишет П. П. Маслов. То же повторяет и А. Ерманский, по которому государство было фактическим создателем русского капитализма и русской буржуазии. Неудивительно, что при таком понимании исторического развития России для П. П. Маслова «в XIX столетии прогрессивным являлся класс землевладельцев до наступления кризиса крепостного хозяйства, а класс крупной буржуазии был реакционен вплоть до наступления этого кризиса, до тех пор, пока крупное производство не уперлось в тупик благодаря своему внутреннему развитию»³³.

При таких условиях все классы оказываются участниками революции, все принимают то или иное участие в общем «движении». За «общей картиной движения», дающей только внешнее, прагматическое повествование хода событий без классового анализа их содержания

³¹ Кольцов Д. Рабочие в 1890–1904 гг. // Общественное движение в России в начале XX в. Т. I. СПб., 1909. С. 185–186.

³² Маслов П. П. Развитие народного хозяйства и влияние его на борьбу классов в XIX в. // Там же. С. 644.

³³ Там же. С. 661.

и значения, следуют статьи Д. Кольцова о рабочих в 1905–1907 гг., Б. Б. Веселовского о «Движении землевладельцев», А. Ерманского о крупной буржуазии, Н. Череванина о «движении интеллигенции». В результате и вся революция 1905–1907 г. оказывается не классовой борьбой революционных классов пролетариата и крестьянства, а «общенациональным движением», к которому примыкают наиболее сознательные представители всех классов. А. Ерманский так и пишет: «Солидные промышленники примкнули, наконец, к общенациональному движению»³⁴. Это же понимание «общенационального движения» пытается провести и Н. Череванин в изображении надклассового «движения интеллигенции». Носителем этого надклассового движения у Н. Череванина оказывается буржуазный, кадетский «Союз освобождения», который, по Н. Череванину, «стремился сплотить... все оппозиционные силы России, поднявшись над классовыми противоречиями и различиями отдельных слоев населения»³⁵.

Этим определялась и оценка итогов революции; меньшевистствующие авторы расценивают ее только как полное поражение пролетариата и крестьянства, в положении которых «нельзя надеяться в ближайшем будущем на сколько-нибудь значительное улучшение»³⁶, а общая перспектива сводилась к росту промышленного капитализма, т. е., по терминологии Д. Кольцова, к «европеизации».

«Буржуазия “хочет” обкарнать классовую борьбу, извратить и сузить ее понятие, *притупить* ее острие. Пролетариат “хочет”, чтобы этот обман был разоблачен. Марксист хочет, чтобы тот, кто берется говорить от имени марксизма о классовой борьбе буржуазии, *разоблачал* узость, и притом *корыстную* узость, буржуазного *понятия* классовой борьбы... Либерал “хочет” оценивать буржуазию и ее классовую борьбу так, чтобы *замалчивать* ее узость, *замалчивать* не включение в эту борьбу “основного” и наиболее существенного»³⁷. В этой ленинской характеристике отчетливо дано различие основных направлений политической и исторической мысли начала XX в.

³⁴ Ерманский А. Крупная буржуазия в 1905–1907 гг. // Там же. Т. II. Ч. 2. СПб., 1910. С. 30.

³⁵ Череванин Н. Движение интеллигенции // Там же. С. 147.

³⁶ Маслов П. П. Земледельческое хозяйство после революции // Там же. Т. IV. Ч. 1. С. 32.

³⁷ Ленин В. И. О либеральном и марксистском понятии классовой борьбы. С. 400.

- Петрей де Ерлезунда (лат. Petrejus) Петр -- шведский дипломат, историк 171
- Петров Василий Владимирович (1761--1834) -- физик, акад. (1815) 232
- Петров Федор Николаевич (1876--?) -- революционер, историк, профессор ххi
- Петрушевский Дмитрий Моисеевич (1863--1942) -- историк, проф. Варшавского (1897--1906) и Московского ун-тов (1906--1911, 1917--1925), Санкт-Петербургского политехнического ин-та (1911--1917), дир. ИИ РАНИОН (20-е гг.), сотр. ИИ АН СССР (30-е гг.), акад. (1929) хх
- Пештич Сергей Леонидович (1914--1926) -- историк, историограф, проф. ЛГУ *vi*, *xvii*
- Пимен -- литературный герой 18
- Пионтковский Сергей Андреевич (1891--1937) -- историк, проф. Коммунистического ун-та им. Я. М. Свердлова, МГУ, МИФЛИ, член-корр. Коммунистической АН (1919) *xix*, *xxii*, *six*
- Пиренн (Pirenne) Анри (1862--1935) -- бельгийский историк, проф. (1886--1930) и ректор (1919--1921) Гентского ун-та *xhv*, 546, 548
- Пирогов Николай Иванович (1810--1881) -- ученый, врач, педагог, обществ. деятель, проф. Дерптского ун-та (1828--1840) и Санкт-Петербургской медико-хирургической академии (1841--1856), член-корр. (1847) 233
- Писарев Дмитрий Иванович (1840--1868) -- публицист, социолог, философ-материалист, литературный критик 391, 399, 431
- Пичета Владимир Иванович (1878--1947) -- историк, славяновед, проф. (затем -- ректор) Белорусского ГУ (1921--1930) и МГУ (с 1938 г.), акад. (1946) *xxxvii*, 573
- Плако-Карпини Иоани (XIII в.) -- францисканский монах, папский легат 181, 198
- Платонов Иван -- переводчик 253, 258
- Платонов Сергей Федорович (1860--1932) -- историк, проф. Санкт-Петербургского ун-та (с 1899 г.), акад. (1920), предс. Археографической комиссии (1918--1929), дир. Пушкинского дома (1925--1929) *xhv*, *xviii*, *sliii*, 27, 44, 306, 383, 389, 469, 471, 521, 532, 558, 561, 564, 567, 574, 576--578, 580, 609, 681
- Плетнев Петр Александрович (1792--1862) -- литературный критик, ректор Санкт-Петербургского ун-та (1840--1861), акад. (1841)
- Плеханов Георгий Валентинович (псевд. Бельтов) (1856--1918) -- публицист, историк, полит. деятель *viii*, *sliii*, 54, 70, 129, 136, 214, 225, 289, 310, 354, 390, 391, 393--394, 403, 420--421, 444, 453, 457, 557, 586, 627--642, 643, 660--661, 688, 699, 705--706, 727--728
- Плиний Младший (Plinius Junior) (61 или 62 -- ок.114) -- римский писатель, консул (100 г.) 85
- Пнин Иван Петрович (1773--1805) -- просветитель, публицист, поэт, издатель 130, 683
- Погодин Михаил Петрович (1800--1875) -- историк, писатель, журналист, публицист, проф. Московского ун-та (1826--1841), акад. (1841) *lxvii*, 92, 125, 148, 186, 188, 192, 194, 196, 211, 213, 231, 233--234, 236, 238, 240, 243, 266, 274, 278, 285, 289--308, 309, 310--311, 313--314, 318--319, 324, 330, 332, 335, 337, 339--340, 341, 354, 359--360, 371, 374, 382--383, 407, 469, 472, 478, 480, 520, 565, 610, 627
- Погребинский Александр Петрович -- советский экономист, историк *cv*, *sii*
- Пожарский Дмитрий Михайлович (1578 -- ок.1642) -- князь, полит. деятель, один из руководителей Первого и Второго ополчения 1611 г. 499, 501
- Покровский Владимир Сергеевич -- советский историк *xvii*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие ко второму изданию (А. Ю. Дворяниченко, Ю. В. Кривошеев).....	iii
Николай Леонидович Рубинштейн: очерк жизни и творчества (М. В. Мандрик).....	vii
<hr/>	
Предисловие к первому изданию.....	3
Введение.....	6
Задача и тема марксистской историографии — Развитие исторической науки и позникновение историографии — Кризис буржуазной науки и судьба буржуазной историографии — Содержание курса русской историографии — Периодизация русской историографии — Русская историографическая литература	

Раздел I Историческое знание феодальной России до конца XVII в.

Глава 1. Историческое знание в период феодальной раздробленности (XI—XV вв.).....	17
Начало исторического знания — Летопись как историографический памятник — История древнерусского летописания. «Повесть временных лет» — Местные летописания и своды XII—XIV вв. — Переход к общерусскому своду	
Глава 2. Русская историография феодально-абсолютистского периода (XVI—XVII вв.).....	27
Перемены в истории Московской Руси — Историческая повесть. «История о великом князе Московском» князя Курбского — Летописные своды XVI в. — «Степенная книга» — Хронограф — Сказания и повести периода крестьянской войны и интервенции — Попытки разработки истории в XVII в. — «История» дьяка Грибоедова — Украинские писатели в русской историографии. Феодосий Сафонович — «Синописис» Иннокентия Гизеля — Рост исторического кругозора в XVII в.	

Раздел II

РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В XVIII в.

ПРЕВРАЩЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В НАУКУ

Глава 3. Начало нового исторического этапа	54
Общественные и философские основы новой европейской науки — Философско-историческая концепция рационализма — Развитие конкретного исторического изучения в XVII в. — Русское общество и реформа Петра I — Переводная историческая литература при Петре I — Первые русские исторические работы начала XVIII в.	
Глава 4. Татищев	70
Формирование исторических взглядов Татищева — Основы мировоззрения Татищева — Исторические воззрения Татищева — Исторические труды Татищева — «Введение» и его содержание. Общие вопросы русской истории и ее изучения — Вопросы источниковедения у Татищева — Вопросы этнографии — Историческая география — Вопросы хронологии и генеалогии — Изложение конкретной истории России — Историческое значение работ Татищева	
Глава 5. Ломоносов. Два направления в дальнейшей разработке русской истории	94
Ломоносов — «Древняя Российская история» — Литературное (риторическое) направление — Академия наук и русская историческая наука	
Глава 6. Миллер	109
Начало деятельности Миллера в России — Сибирская экспедиция и разработка истории Сибири — Развертывание научной работы. Журналы. Архивы. Публикации — Проблема источника. Начало археологии. Источниковедение — Проблема научной критики — Этнографическая проблема у Миллера — Восстановление исторического факта и проблема исторического синтеза — Значение Миллера в русской историографии — Расширение работы с источником. «Древняя Российская Вивлиофика»	
Глава 7. Щербатов	129
Общественно-политические истоки исторических взглядов Щербатова — Научная основа воззрений Щербатова. Западное влияние — Источники исторических взглядов Щербатова — Исторические работы Щербатова — Работа Щербатова над источником — Критика источника — Трактровка русского исторического процесса — Периодизация русской истории — Политическая идеология в «Истории» Щербатова — Poleмика с Волтиным. Значение Щербатова	
Глава 8. Волтин	154
Формирование исторических взглядов Волтина — Постановка вопросов истории у Волтина — Вопросы подготовки историка — Источник и его критика — Историческая география — Проблемы этнографии и этногенеза — Понимание исторического процесса — Периодизация русской истории. Проблема феодализма в России — Значение Волтина в историографии	

Глава 9. Шлецер	169
Биографические сведения. Научная подготовка Шлецера — Начало изучения России — Начало научной работы над летописью — Возвращение в Геттинген и последующие занятия русской историей — Шлецер-историк. Общие вопросы истории России — Вопросы критики источника — Вопросы русского летописания — «Высплая критика». Проблемы этнографии и общественного строя — Значение работ Шлецера	

Глава 10. Карамзин	188
Основы формирования мировоззрения Карамзина — Начало исторических занятий Карамзина — Исторические взгляды Карамзина — «История» и ее источники — Трактовка исторического факта — Общая концепция русской истории — Периодизация истории России — Отражение идей XIX в. в исторической схеме Карамзина — Карамзин и современники. Историографические итоги	

Раздел III

Период буржуазной исторической науки. XIX век

Глава 11. Введение. Теоретические основы	214
Проблемы исторического развития в науке XIX в. — Основные элементы проблемы и их решение — Немецкая классическая философия. Распространение шеллингизма и гегельянства — Историческая наука в Западной Европе — Экономические и социальные сдвиги в России — Развитие русской научной мысли. Естественные науки — Общественные науки в России в первой половине XIX в. — Путь русской исторической науки	

Глава 12. Собрание и публикация памятников русской истории. Изучение источников	241
Состояние изучения источников к началу XIX в. — Организация научных обществ и исторических изданий — Кружок Румянцева — П. М. Строев. Начало археографических работ — Археографическая экспедиция и Археографическая комиссия — Развитие смежных и вспомогательных дисциплин	

Глава 13. Начало новой исторической науки в России. Эверс	253
Эверс. Начало научной работы — Новая тематика — Древнейшее право руссов. Новые научные принципы — Схема развития Эверса. Родовая теория — Общие итоги	

Глава 14. Скептическая школа в русской историографии. Каченовский	265
Каченовский — Теория скептической школы — Баснословный период русской истории — Значение критики Каченовского. Его школа	

Глава 15. Полевой	275
Полевой и его время — Научные воззрения Полевого — Источники исторических взглядов Полевого — «История русского народа» — Значение труда Полевого	

Глава 16. Погодин	289
Место Погодина в историографии — Биографические данные. Развитие взглядов — Научный метод Погодина — Вопрос исторического развития России и Запада — Процесс исторического развития. Народ и государство — Общая схема русского исторического процесса — Отдельные вопросы русской истории. Летопись Нестора — О возвышении Москвы — Борис Годунов и крепостное право — Роль Петра I — Издание исторических памятников — Общие итоги	
Глава 17. Славянофилы	309
Славянофилы в историографии. Славянофилы и западники — Проблема народа и государства. Константин Аксаков — Историческая схема К. Аксакова — Россия и Европа. Иван Киреевский — Философия истории Хомякова — Историки славянофильской школы	
Глава 18. Государственная школа. Кавелин. Чичерин	330
Государственная школа русской истории — Кавелин. Формирование его взглядов — Концепция русского исторического процесса — Народ и государство. Россия и Европа в схеме Кавелина — Оценка Кавелина — Чичерин — Учение о государстве. Государство и народ — Государство и народ в истории России — Закрепощение и раскрепощение сословий. Крестьянство и сельская община — Развитие Русского государства — Упразднение единой закономерности исторического процесса	
Глава 19. Соловьев	356
Оценка Соловьева в историографии — Формирование исторических воззрений — Политическая идеология — Историческая теория органического развития — Соловьев и концепция государственной школы — Основные вопросы исторического развития — Периодизация русской истории — Киевская Русь. Теория родового быта — Северо-восточная Русь — Петр I и «эпоха преобразований» — Вопросы народной борьбы и истории народов — Специальные исследования — Значение Соловьева в русской историографии	
Глава 20. Предпосылки развития исторической науки во второй половине XIX в. (60–80-е годы)	391
Экономические и социальные сдвиги — Развитие западноевропейской буржуазной науки — Развитие философской и научной мысли в России — Развитие общественных наук и истории	
Глава 21. Развитие исторического знания в период 60–80-х годов	405
Развитие исторического знания. Специальные исторические дисциплины — Археология — Археология — Этнография — Историческая география — Выделение специальных исторических дисциплин — Распространение исторических знаний. Журналы — Историческая библиография	
Глава 22. Великие русские просветители Чернышевский и Добролюбов. Щапов и начало народничества	420
Великие русские просветители. Чернышевский — Вопросы русской истории в освещении Чернышевского — Добролюбов — Щапов. Формирование, взглядов — Раскол как народное движение — Значение народа в	

истории России — Материализм Шалова. Вопрос о причинах отсталости — Народ и государство. Прогресс и интеллигенция — Общая оценка

- Глава 23. Народническое направление в русской исторической литературе** 444
 Исторические корни народничества — Теоретические основы. Социология Лаврова — Теоретические основы. Социология Михайловского — Экономическая история в народнической историографии — Социальная история. Крестьянство и крестьянская община — Семейский — Местная история. Сибирское областничество
- Глава 24. Буржуазная историческая наука в 60–80-е годы** 469
 Общие замечания — «Объективное знание». Бестужев-Рюмин — Официальное направление. Политическая история — Археографическое направление — Археологическое направление. История быта — Местная история — Историческая повесть
- Глава 25. Костомаров** 482
 Место Костомарова в русской историографии — Биографические данные — Теоретические позиции. Проблема народа и этнография — Государство и народ — Пользование источником — Общее направление исторического изучения — Основная схема истории России — Проблемы украинской истории — Современная критика сочинений Костомарова — Художественный романтизм Костомарова
- Глава 26. Буржуазный экономизм. Ключевский** 504
 Буржуазный экономизм — Развитие буржуазного экономизма в России — Никитский — Историографическое место Ключевского — Биографические данные. Развитие научной деятельности — Теоретические основы, буржуазный экономизм и юридическая схема — Социология и «культурно-историческая точка зрения» — Художественность исторического мышления — Методологические позиции Ключевского в 80-е годы — «Боярская Дума» — Происхождение крепостного права в России — Торжество юридической схемы. «Курс русской истории» — Общая схема русской истории — Первый период — Киевская Русь, 4 Русь верхневолжская, удельно-княжеская — Русь Московская, царско-боярская — Период IV — императорско-дворянский — Проблема народа в «Курсе» Ключевского — Значение Ключевского

Раздел IV

РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В ПЕРИОД ИМПЕРИАЛИЗМА

- Глава 27. Общественная и научная мысль в России в период империализма** 537
 Изменение социальных отношений. Пролетариат и буржуазия — Эволюция общественной мысли — Пути буржуазной философии и научной мысли Западной Европы — Пути русской философской и научной мысли — Пути буржуазной исторической науки в России — Ленин и русская историческая наука

Глава 28. Развитие буржуазной исторической науки в конце XIX — начале XX в.	558
Общее направление исторической работы — Рост научной базы. Развитие источниковедения — Археология и памятники материальной культуры — Историческая география — Развитие исторических исследований. История и источниковедение. Шахматов — Изучение экономических и социальных явлений. Противоречия государственной школы — Московская школа историков — Петербургский университет — Местные центры исторических исследований — История общественных движений — История культуры и общественных идей — История права — Итоги	
Глава 29. Милюков	589
Милюков — Теория и методология — Концепция русской истории. Народ и государство — История русского государства — История русской культуры — Общая концепция и оценка Петра I — История идеологии и проблема историографии — Итоги	
Глава 30. Павлов-Сильванский	603
Научные взгляды и деятельность. Павлова-Сильванского — История феодализма в России — Общая концепция и периодизация русской истории — Реформы Петра I в оценке Павлова-Сильванского — Общественное движение конца XVIII — начала XIX в. — Общие итоги	
Глава 31. Отражение марксизма в буржуазной литературе, Струве, Туган-Барановский	614
Легальный марксизм — Струве о капиталистическом развитии России — Крепостное хозяйство и реформа в освещении Струве — Апология государства — История русского капитализма по Тугану-Барановскому	
Глава 32. Плеханов. Мелкобуржуазные тенденции в социал-демократии. «Меньшевистский пятитомник»	627
Плеханов и русская историческая наука — История русской общественной мысли. Теория и ее источники — Общая Схема русской истории — «История русской общественной мысли» — «Меньшевистский пятитомник»	
Глава 33. Рожков	643
Рожков и марксизм — Формирование научной и политической идеологии — Историческая концепция Рожкова. Учение об обществе — Социальная динамика. Проблема исторической закономерности — Первые работы по русской истории — Общая концепция русской истории — Итоги	
Глава 34. Покровский	662
Покровский и русская историческая наука — Исторический путь Покровского — Методология Покровского и марксизм — Учение об обществе и проблема закономерности — Исторические работы Покровского — Общая концепция русской истории. Вопросы периодизации — Основные проблемы русской истории в «четырехтомнике» — Проблемы буржуазного развития и революционной борьбы XIX—XX вв. — Историографические работы Покровского	

Глава 35. Ленин и русская историческая наука	689
Теория исторического материализма — Маркс и Энгельс о России — Ленин о закономерности исторического развития России — Ленин о русском феодализме — Крестьянская реформа и развитие капитализма в России — Вопросы революции в России — Империализм в России. Программа и итоги	
Глава 36. Сталин	711
Иосиф Виссарионович Сталин и историческая наука — Теория марксизма и исторический материализм — История Октябрьской революции — Проблемы общей истории нашей страны — Проблема национального развития — «Краткий курс истории ВКП(б)» и направление советской исторической науки	
Заключение	737
Рекомендательный список литературы по русской историографии	739
Список сокращений	748
Именной указатель (составила М. В. Мандрик)	751

- Рубинштейн Н. Л.
- Р82** **Русская историография** / Под ред. А. Ю. Дворниченко, Ю. В. Кривошеева, М. В. Мандрик. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. — 938 с.
ISBN 978-5-288-04469-4

«Книга Н. Л. Рубинштейна «Русская историография» впервые дает полную историю развития русской исторической науки от ее начала в летописях Киевской Руси и до Советского периода, кончая работами Ленина и Сталина. В книге показано последовательное накопление конкретных исторических знаний и развитие исторической мысли в связи с общим развитием истории СССР», — писалось в аннотации к первому изданию данного труда.

Фундаментальный труд Н. Л. Рубинштейна был издан в 1941 г. и более в свет не выходил. Несмотря на обусловленную временем «идеологичность», он остается до сих пор одной из лучших работ по отечественной историографии.

Книга предназначена для научных работников, преподавателей, студентов-историков.